Подається російською мовою

Жан Расин

Андромаха

Перевод И. Я. Шафаренко и В. Е. Шора

ЕЕ КОРОЛЕВСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ, ГЕРЦОГИНЕ ОРЛЕАНСКОЙ {1}

Ваше высочество! Совсем не случайно то обстоятельство, что именно ваше блистательное имя я ставлю перед этим сочинением. В самом деле, чьим именем мог бы я более украсить печатное издание моей пиесы, нежели тем, которое столь счастливо для нее осенило ее представление на театральной сцене?

Ведь всем было известно, что ваше королевское высочество удостоила своим милостивым вниманием мои труды над этой трагедией; известно было также, что вы подали мне несколько весьма тонких советов, благодаря которым она приобрела новые красоты; было известно, наконец, и то, что вы оказали ей высокую честь, обронив слезу при первом ее чтении.

Не судите меня строго, ваше высочество, за то, что я смею хвалиться удачей, выпавшей на долю "Андромахи" при появлении ее на свет. Удача эта с избытком вознаграждает меня за огорчения, доставляемые злобой тех, кто не пожелал быть тронутым моей трагедией. Пусть их клянут "Андромаху" сколько хотят: лишь бы мне было дозволено обратиться за защитой от ухищрений их разума к сердцу вашего королевского высочества.

Но вы, ваше высочество, оцениваете достоинства того или иного сочинения не только сердцем, но и утонченным умом, который не

обманется никаким фальшивым блеском. Можем ли мы, авторы, представить на театре сюжет, который вы не постигли бы столь же полно, как сам автор? Способны ли мы соорудить интригу, пружины которой не были бы совершенно ясны для вас, — и в состоянии ли кто-нибудь из сочинителей, стремясь изобразить благородные и изысканные чувства, подняться до недосягаемой высоты ваших мыслей и чувств?

Известно, — как ни стараетесь вы, ваше высочество, это скрыть, — что высшего рода слава, предопределенная для вас природой и избраннической судьбой, не заставляет вас пренебрегать скромной славой литератора. И кажется, будто вы пожелали настолько же превзойти наш, мужеский, пол знаниями и силой ума, насколько вы выделяетесь среди представительниц своего пола присущими вам изяществом и грацией. Двор считает вас верховным судьей во всем, что касается творений, призванных утолять потребность в приятном. И нам, кто трудится ради того, чтобы нравиться публике, нет нужды вопрошать ученых мужей, соответствуют ли правилам плоды наших трудов: единственное непререкаемое правило — нравиться вашему королевскому высочеству.

Из всех ваших достоинств я назвал, несомненно, лишь самое малое. Но только о нем одном я могу говорить с достаточным понятием. Другие слишком возвышенны для меня. И я не мог бы рассуждать о них, не принизив их слабостью своей мысли и не преступив границ глубочайшего к вам почтения, свидетельствуя каковое остаюсь вашего королевского высочества смиреннейшим, покорнейшим и вернейшим слугой

Жан Расин.

[Первое предисловие] {2}

Мои персонажи были столь знамениты в древнем мире, что любой, кто мало-мальски с ним знаком, тотчас увидит, что я изобразил их именно такими, какими представили их нам античные поэты; я не считал

для себя дозволенным хоть что-нибудь менять в их характерах. Единственная вольность, какую я себе разрешил, состоит в том, что я несколько смягчил жестокость Пирра, которую Сенека в "Троянках" и Вергилий во второй книге "Энеиды" довели до степени гораздо большей, чем это, по-моему, следовало. И все же нашлись люди, {3} которые досадовали, что Пирр загорается страстью к Андромахе и во что бы то ни стало хочет жениться на своей пленнице. Да, признаюсь, Пирр в самом деле недостаточно покорен воле своей любимой, и Селадон {4} лучше него знал, что такое идеальная любовь. Но что поделаешь! Пирр не читал наших романов: он был неистов и груб по своей натуре, да и не все же герои призваны быть Селадонами! Как бы то ни было, публика выказала ко мне такую благосклонность, что мне едва ли стоит принимать близко к сердцу недовольство двух-трех лиц, которые хотели бы перекроить всех героев древности, превратив их в героев идеальных. У этих людей самые добрые намерения: им желательно, чтобы на театре выводили только безупречных мужей. Но я осмелюсь напомнить им о том, что я не вправе менять правила драматургии. Гораций советует изображать Ахилла свирепым, {5} неумолимым и грубым, каким он и был на самом деле; таким же изображается и его сын. Аристотель отнюдь не требует от нас представлять героев существами совершенными, а, напротив, высказывает пожелание, чтобы трагические герои, то есть те персонажи, чьи несчастья создают катастрофу в трагедии, не были вполне добрыми или вполне злыми. {6} Он против того, чтобы они были беспредельно добры, ибо наказание, которое терпит очень хороший человек, вызовет у зрителя скорее негодование, нежели жалость, — и против того, чтобы они были чрезмерно злы, ибо негодяя никто жалеть не станет. Таким образом, им надлежит быть средними людьми по своим душевным качествам, иначе говоря, обладать добродетелью, но быть подверженными слабостям, и несчастья должны на них обрушиваться вследствие некоей ошибки, способной вызвать к ним жалость, а не отвращение.

[Второе предисловие] {7}

Эней в третьей книге "Энеиды" Вергилия говорит:

Litoraque Epiri Legimus, portuque subimus

Chaonio, et celsam Buthroti ascendimus urbem.

. . . . . .

. . . . . .

Solemnes turn forte dapes, et tristia dona...

. . . . . .

Libabat cineri Andromache, manesque vocabat

Hectoreum ad tumulum viridi quern cespite inanem

Et geminas, causam lacrymis, sacraverat aras...

. . . . . .

. . . . . .

Dejecit vultum, et demissa voce locuta est:

O felix una ante alias Priameia virgo,

Hostilem ad tumulum, Trojae sub moenibus altis,

Jussa mori: quae sortitus non pertulit ullos,

Nec victoris heri tetigit captiva cubile!

Nos, patria incensa, diversa per aequora vectae,

Stirpis Achilleae fastus, juvenemque superbum

Servitio enixae tulimus, qui deinde secutus

Ledaeam Hermionem, Lacedaemoniosque hymenaeos.

. . . . . .

Ast ilium, ereptae magno inflammatus amore

Conjugis, et scelerum furiis agitatus, Orestes

Excipit incaulura patriasque obtruncat ad aras. {*}

{* Вдоль берегов Эпира свой путь в Хаонийскую гавань

Мы направляем и вот подплываем к твердыне Бутрота...

. . . . . .

. . . . . .

Вижу: печальный обряд приношений и тризны надгробной...

. . . . . .

. . . . . .

Правит, взывая к теням, Андромаха над Гектора прахом

И возлиянья творит на кургане пустом, где супругу

Два алтаря посвятила она, чтобы плакать над ними...

. . . . . .

. . . . . .

Взор опустила она и промолвила, голос понизив:

"Всех счастливей одна Приамова дева, которой

Жертвою пасть по приказу пришлось на вражьем кургане,

Возле Троянской стены. Никому не досталась по жребью

И не коснулась она победителей ложа в неволе!

Родину нашу спалив, увезли нас по водным равнинам;

Сына Ахиллова спесь, надменность юнца я терпела,

В рабстве рожая детей. Когда же он в Спарту уехал,

Чтобы брак заключить с Гермионой, внучкою Леды...

. . . . . .

То, любовью горя к невесте отнятой, мучим

Местью Фурий, Орест застиг внезапно Пелида

И на Ахиллов алтарь его поверг бездыханным.

(Лат. Перевод С. Ошерова)}

В этих немногих стихах изложен весь сюжет моей трагедии; тут и место действия, и происходящие в этом месте события, и все четыре главных действующих лица, и даже их характеры — кроме характера Гермионы ревность и неистовство которой достаточно отчетливо показаны в "Андромахе" Еврипида.

Характер и поведение Гермионы — почти единственное, что я позаимствовал у этого автора, так как моя трагедия, нося то же название, что и у него, имеет совсем иной сюжет. У Еврипида Андромаха боится за жизнь Молосса — это ее сын от Пирра, боится, что Гермиона умертвит его, а вместе с ним и ее самое. В моей трагедии о Молоссе не упоминается: у Андромахи нет другого мужа, кроме Гектора, и другого сына, кроме Астианакса. Мне хотелось, чтобы образ Андромахи соответствовал тому представлению о ней, которое ныне утвердилось у нас. Среди тех, кто слышал когда-либо имя Андромахи, большинство знает ее только как вдову Гектора и мать Астианакса. Никто не подозревает, что она могла иметь другого мужа или другого сына, и я сомневаюсь, что слезы Андромахи произвели бы на моих зрителей то впечатление, которое они действительно произвели, если бы она проливала их из-за сына, рожденного не от Гектора.

Правда, мне пришлось продлить жизнь Астианакса на несколько больший срок, чем он прожил на самом деле; но ведь я пишу в стране, где такая вольность не может быть плохо принята, ибо, — не говоря уже о том, что Ронсар сделал Астианакса главным героем своей "Франсиады", {8} — кто же у нас не знает, что род наших древних королей возводится именно к сыну Гектора и что, согласно нашим старинным хроникам, {9} жизнь юного царевича после разгрома его родной страны была спасена, и он стал основателем нашей монархии!

Насколько смелее, чем я, поступил Еврипид в своей трагедии "Елена"! Он в ней просто опрокидывает верования, общие для всех греков: он исходит из предположения, что Елена вообще не ступала на землю Трои и что после того, как этот город был спален дотла, Менелай нашел свою супругу в Египте, который она за все это время ни разу не покидала. Эта версия основывается на предании, распространенном только среди египтян, о чем можно прочесть у Геродота. {10}

Я полагаю, впрочем, что для оправдания допущенной мною небольшой вольности мне нет надобности ссылаться на пример Еврипида, ибо совсем не одно и то же — полностью разрушить самую основу сказания или только изменить в нем некоторые события, которые в каждой новой передаче всегда существенно меняются. Так, если верить большинству поэтов, Ахилл мог быть ранен только в пятку. А у Гомера рана наносится ему в плечо, {11} причем автор "Илиады" не считает неуязвимой никакую часть его тела. У Софокла Иокаста умирает {12} сразу же после того, как узнает Эдипа, тогда как Еврипид продлевает ей жизнь {13} вплоть до битвы и гибели обоих ее сыновей. Именно по поводу противоречий такого рода один старинный комментатор {14} Софокла {Sophoclis Electra. "Электра" Софокла (лат.)>.} очень удачно замечает, что "отнюдь не следует развлекаться уличением поэтов в изменениях, внесенных ими в старинные предания, лучше постараться вникнуть в то, какое прекрасное употребление они сделали из этих изменений и как изобретательно они сумели приспособить миф к своему сюжету".

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Андромаха, вдова Гектора, пленница Пирра.

Пирр, сын Ахилла, царь Эпира. {15}

Орест, сын Агамемнона.

Гермиона, дочь Елены, невеста Пирра.

Пилад, друг Ореста.

Клеона, наперсница Гермионы.

Сефиза, наперсница Андромахи.

Феникс, воспитатель Ахилла и его сына Пирра.

Свита Ореста.

Действие происходит в Бутроте, столице Эпира, в одной

из зал царского дворца.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Орест, Пилад.

Орест

Безмерно счастлив я, что встретился с тобою!

Быть может, я теперь не так гоним судьбою?

Столь милостиво здесь она столкнула нас,

Что мнится — гнев ее теперь чуть-чуть угас.

Кто б мог предположить, что встречу я Пилада,

Что средь моих скорбей мне суждена отрада

И друг, с которым я полгода разлучен,

На Пирровой земле мне будет возвращен!

Пилад

Я тоже возношу богам благодаренье

За то, что, изменив моих судов движенье

И бурей преградив в Элладу все пути,

Они мне помогли Ореста обрести.

А как я мучился тогда в моем изгнанье!

Как ваши горькие оплакивал страданья!

Как трепетал за вас, мой друг, все эти дни,

Бессильный вам помочь, когда вы там одни!

Я помню, что в своей мучительной печали,

Как избавления, вы гибели искали;

Страшился я, что вы умолите богов

Послать вам смерть в бою, средь полчища врагов...

Но вот вы здесь, живой! И заключить я смею,

Что духом стали вы спокойней и бодрее;

Ваш вид торжественный и праздничный наряд

Не об унынии как будто говорят...

Орест

Мне приговор судьбы пока еще неведом:

Надеюсь я, но все ж готов и к новым бедам.

Любовь меня ведет. И здесь ищу я ту,

У ног которой смерть иль счастье обрету.

Пилад

Ах, порабощены вы, как и прежде, страстью,

Все так же вас влечет к несбыточному счастью?

Едва оправившись от пережитых мук,

Хотите вновь попасть вы в безысходный круг?

Ужель надежда есть, что злая Гермиона,

Отринув в Спарте вас, тут станет благосклонна?

Вы сами, устыдясь своих безумств былых,

Решались, кажется, совсем забыть о них?

Иль это был обман?

Орест

Нет, сам я был обманут!

Но старые друзья меня корить не станут!

Пилад, ведь от тебя я ничего не скрыл.

Ты видел, как во мне зажегся первый пыл,

Каким отчаяньем я был потом снедаем,

Узнав, что Пирру дочь суровым Менелаем {16}

За подвиги его в награду отдана,

Как стал я странствовать без отдыха и сна,

Страданья тяжкий груз влача с собой повсюду.

Ты следовал, мой друг, за мной. Я не забуду,

Как ты заботлив был, как, преданно любя,

Спасал меня не раз от самого себя!

Когда же понял я, что все мои мученья

Жестокой нипочем и что благоволенье

Пирр у нее снискал, — тут гнев объял меня,

И я, коварную изменницу кляня,

Решил ее забыть навек, бесповоротно.

Я в это верил сам тем более охотно,

Что, вспышку ревности за ненависть приняв

И осудив в ней все: лицо, осанку, нрав,

Почел, что страсть свою я отдал недостойной,

И отбыл в Грецию печальный, но спокойный.

Там в сборе я нашел весь царственный синклит.

Цари, боясь, что вновь опасность им грозит,

Просили помощи. Я к ним примкнул мгновенно,

Надеясь, что война и слава постепенно

Отвагу, мужество и твердость мне вернут

И сердце от былых безумств уберегут.

Увы, Пилад, судьба превратна и сурова:

Чуть вырвавшись из пут, я затянул их снова...

Я слышал, как вокруг роптал ахейский мир...

Твердили стар и млад, что вероломен Пирр,

Что воинским своим он поступился словом,

Семейство Гектора укрыл под царским кровом,

Оставив пленным жизнь, хотя обречены

Они давно на смерть как недруги страны;

Что Андромаха, скрыв свое дитя умело,

Другого мальчика отдать врагам успела,

И этой хитростью обманут был Улисс,

А Гектора вдова и сын ее — спаслись;

Что Пирр безмолвствует и, к гневу Гермионы,

Не предлагает ей ни сердца, ни короны,

И помыслы его устремлены к другой,

А бедный Менелай от горя сам не свой...

Хоть сообщались мне нерадостные вести,

Я втайне ликовал. Восторг свой — жажде мести

И ярости я сам приписывал сперва...

Но скоро понял я, что страсть во мне жива,

И стоило блеснуть хоть маленькой надежде,

Как пламя вспыхнуло еще сильней, чем прежде.

Я дал согласие отправиться сюда

И к Пирровой земле привел мои суда.

Эллада ждет, что я раздор улажу миром

С изменчивым, крутым и своевольным Пирром

И сына Гектора смогу забрать с собой,

Средь греческих царей восстановив покой.

А если не отдаст он Гекторова сына

Пусть! Мне нужна она, всех бед моих причина!

Надеждой окрылен, исполнен новых сил,

Сейчас бы я в бою Геракла победил!

Я понял, что любви сопротивляться тщетно,

И ныне, ей во власть предавшись беззаветно,

Мою любимую у Пирра отниму,

А не удастся — смерть у ног ее приму.

Ты Пирра знаешь, друг. Скажи мне прямо, честно,

Мое вмешательство не будет ли невместно?

Что чувствует она? Как станет поступать?

И согласится ль Пирр невесту мне отдать?

Пилад

Боюсь, — хоть это вам услышать будет больно,

Что не уступит Пирр невесту добровольно.

Не потому, что сам любовью к ней горит,

Нет, Гектора вдова в душе его царит;

Но та на все его нежнейшие признанья

Ответствует — увы! — огнем негодованья,

И к сердцу пленницы как ни искал дорог,

Пирр ни привлечь ее, ни укротить не смог.

Теперь, отчаявшись, он в ход пустил угрозы:

То вызовет у ней, то вновь осушит слезы;

То повторяет ей, что будет сын убит,

То, требуя любви, ей царский трон сулит.

Но, не услышав "да" и не приняв решенья,

У Гермионы вновь он ищет утешенья

И, страстью пламенной к троянке распален,

У ног лак_о_нянки {17} вздыхает тяжко он.

Да, может Пирр сейчас, отчаяньем гонимый,

Похоронить любовь, женясь на нелюбимой!

Орест

А Гермиона что? Ей, гордой, каково

Безропотно сносить презрение его?

Пилад

Она, мой государь, не подает и виду,

Что знает свой позор и чувствует обиду:

Надеется, что Пирр опомнится и вновь

Придет ей изъявить почтенье и любовь.

Но мне она свои поведала терзанья

Едва ли для того, чтоб я, храня молчанье,

Таил от вас, что ей пролить немало слез

Пришлось с тех пор, как он в Эпир ее привез.

К блаженству, к гибели она равно готова;

То рвется в Грецию, то остается снова.

Досада, ревность, гнев заставили не раз

Ее и вспоминать и сожалеть о вас.

Орест

Могу ль поверить я?

Пилад

Беритесь же за дело!

И, с Пирром встретившись, ему скажите смело,

Что греки объявить ему хотят войну,

Спасенье мальчика вменив ему в вину.

Разгневан будет Пирр столь дерзкими словами,

И это в нем любви еще раздует пламя.

Он вспыльчив и горяч, что выгодно для вас:

Чем вызов дерзостней, тем яростней отказ.

Так действуйте. Вот он.

Орест

Ступай же к ней скорее!

Скажи, что прибыл я и жажду встречи с нею!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Пирр, Орест, Феникс.

Орест

Со мною, государь, вам греческий народ

Приветствия, дары и пожеланья шлет.

Доверьем я польщен и рад, что предо мною

Ахилла грозный сын, испепеливший Трою.

Венчает, как отца, вас слава всех времен.

Им Гектор сокрушен, а вами — Илион.

И хоть отец ваш был непобедимый воин,

Вы доказали нам, что сын его достоин.

К вам благодарности вся Греция полна,

Но тем, однако же, встревожена она,

Что вы пренебрегли обычаем военным

И сохранили жизнь весьма опасным пленным.

Мне ль вам напоминать, как вел последний бой

Сам Гектор, государь? У нас в семье любой

Есть безутешные невесты, сестры, вдовы,

Что слезы льют еще и предъявить готовы

Убийце их родных свой неоплатный счет,

А сын ведь за отца ответственность несет!

Что может совершить снедаемый гордыней

Потомок Гектора — кто нам предскажет ныне?

Не примется ль, приплыв из Пирровой земли,

Как Гектор некогда, жечь наши корабли? {18}

И более того, — едва промолвить смею,

Но, выкормив змею, вы можете быть ею

Укушены за то, что ей продлили дни;

Троянцы, государь, коварны искони.

Все греки просят вас. Моленьям их внемлите.

Вы, утолив их месть, себя же сохраните.

Ваш враг еще дитя. Но неминуем час,

Когда он свой клинок испробует на вас.

Пирр

О, трогает меня союзников забота,

Но не могу понять, как им пришла охота

Отправить в дальний путь почетного посла

И поручить ему столь мелкие дела!

Не думал, что пустяк, ничтожная обида

Встревожат отпрыска великого Атрида, {19}

Что многочисленный и доблестный народ

До козней мелочных и страхов снизойдет!

Чего хотят цари? Чтоб я, презрев обычай,

Делиться с ними стал военною добычей?

Нет, мальчик — мой трофей, и право лишь за мной

Решать его судьбу и быть ему судьей!

Когда в дыму, в крови, у стен пылавшей Трои

Делили пленников ахейские герои,

Велением судьбы досталась мне она,

Астианакса мать и Гектора жена.

Кассандру в Аргос взял {20} преславный сын Атрея,

Гекуба умерла в плену у Одиссея;

Сколь ни был горестен несчастных женщин путь,

На пленников чужих я смел ли посягнуть?

Дитяти малого вся Греция боится:

Твердят, что Илион с ним может возродиться,

Что, возмужав, меня Астианакс убьет...

Зачем так далеко загадывать вперед?

Ведь Троя — помните? — была славна когда-то,

Обширна и пышна, героями богата.

Она владела всем... А что она теперь?

Не сосчитать ее несчастий и потерь.

Сгоревшие дома, разрушенные башни,

Не вспаханы поля, пустыня — сад вчерашний,

В оковах царский сын... Бессильная, она

Уже не сможет быть никем отомщена.

А если мальчика вы умертвить желали,

Зачем же целый год терпели и молчали?

С Приамом вместе пусть растерзан был бы он

И в груде мертвых тел бесславно погребен.

Тогда ведь гибло все: ахейской рати сила

Ни новорожденных, ни старцев не щадила,

Победа, вопли, кровь пьянили нас в ночи;

Не выбирали жертв разящие мечи.

Я сам свирепствовал: все на войне свирепы;

Когда ж стихает гнев — жестокости нелепы.

Я ныне не казнить, но миловать хочу

И рук в младенческой крови не омочу.

Коль греков так томит слепая жажда мести,

Пусть утоленья ей в ином поищут месте.

Победой горд Эпир, во прахе Илион...

Но здесь не губят тех, кто там был пощажен.

Орест

Всем ныне ведомо, как действовала тонко

Супруга Гектора, спасая жизнь ребенка:

Ей удалось, введя подменой нас в обман, {21}

Его ровесника отдать в ахейский стан.

Для мести Гектору у греков есть причина,

А ненависть к отцу ложится и на сына:

На Гекторе их кровь — им кровь его нужна,

Боюсь, нас снова ждет ужасная война.

Она придет в Эпир...

Пирр

Но ведь Эпир — не Троя.

Пусть увеличат рать свою они хоть втрое,

Чтоб одолеть меня, — не побоюсь угроз:

Они забыли, кто победу им принес.

Известно — Греция за подвиги Ахилла

Неблагодарностью не раз ему платила; {22}

Теперь цари хотят так поступить со мной

И пали до того, что мне грозят войной?

Орест

Так воле Греции вы не послушны боле?

Пирр

Троянцев я сломил, царевич, для того ли?

Орест

Я, право, поражен! Ведь Гермиона здесь,

И Менелай для вас уже почти что тесть!

Пирр

Я сохранить могу любовь к моей невесте,

Не уронив притом достоинства и чести,

И, после всех побед, мне, право, не к лицу

Покорно, словно раб, служить ее отцу.

Но с Гермионой вы увидеться желали?

Я знаю, вы в родстве. {23} Хотя вас и не ждали,

Но примут. Занимать не смею больше вас,

Ахейцам же прошу мой передать отказ.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Пирр, Феникс.

Феникс

Друг с другом их свести? Весьма неосторожно!

Пирр

Да, говорят, по ней вздыхал он безнадежно.

Феникс

А вдруг к царевне страсть проснется снова в нем,

И он воспламенит ее своим огнем?

Пирр

Что ж, так тому и быть! И если вслед за тем он

Царевну убедит вернуться в Лакедемон,

С почетом проводить велю я их суда,

И сам свободнее смогу вздохнуть тогда.

Феникс

Как, вы...

Пирр

Со временем я все тебе открою.

Но Андромаха здесь. Потом...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Пирр, Андромаха, Феникс.

Пирр

Вы не за мною?

Ах, если б мне блеснул надежды луч один...

Андромаха

Нет, я иду туда, где заточен мой сын,

Все, что завещано мне Троей и супругом.

Час в день разрешено нам проводить друг с другом.

Мы вместе пролили немало горьких слез.

Сегодня мне обнять его не довелось.

Пирр

И опасаюсь я, увы, что греки вскоре

Дадут вам поводы для новых слез и горя:

Страшат их пленники.

Андромаха

Но пленники в цепях,

А мертвые враги внушать не могут страх.

Пирр

Нет, злость на Гектора утихнуть в них не может;

Их главный враг — ваш сын.

Андромаха

Так вот что их тревожит!

Дитя, которое не знает ничего

Ни почему мы здесь, ни кто отец его!

Пирр

Астианакс — дитя, но смерть его нужна им.

За ним ко мне Орест и послан Менелаем.

Андромаха

И вы поступите, как эллины хотят?

Он дорог мне — вот в чем несчастный виноват!

Но греки ль требуют ребенку приговора?

Нет, сердит вас, что он — последняя опора

Лишившейся всего, беспомощной вдовы,

И смерти для него хотите только вы!

Пирр

О, успокойтесь! Им ответил я отказом.

Теперь войною мне грозят все греки разом.

Но, даже если бы военные суда

Всех греческих племен причалили сюда

И началась война — как та, из-за Елены,

И моего дворца заколебались стены,

Ребенка вашего я все равно бы спас

И заслонил его собою — ради вас.

Вы сами видите, сколь многим я рискую,

А чем вознагражден за преданность такую?

Сейчас, когда кругом меня враги теснят,

Мне так необходим ваш дружелюбный взгляд!

Ужели, вам свой трон и руку предлагая,

И в вас, жестокая, увижу лишь врага я,

И, вызывая весь ахейский мир на бой,

Не буду знать, за что я жертвую собой?

Андромаха

Откуда слабость в вас, великом человеке?

Награда? Но твердить по праву станут греки,

О ваших доблестях охотно позабыв,

Что вами овладел мальчишеский порыв!

Вы домогаетесь любви. Но до того ли

Измученной вдове, томящейся в неволе?

Что вам мои глаза? Ведь вы их обрекли

На то, чтоб реки слез всегда из них текли!

Нет! нет! От вас я жду совсем иных деяний!

Несчастных пленников избавить от страданий,

Безвинное дитя спасти любой ценой,

Не требуя себе за это мзды иной,

Чем радость матери, что сына сохранила,

Вот подвиг по плечу наследнику Ахилла!

Пирр

Как! Все еще ваш гнев бурливый не иссяк?

Вам ненавистна мысль вступить со мною в брак.

Несчастий причинил я много, в самом деле;

И меч мой, и рука людскою кровью рдели;

Но ваш печальный взор насквозь пронзил меня,

За горечь ваших слез заслуженно казня.

Я был неумолим и яростно, не скрою,

Рубил врагов, круша поверженную Трою,

Свирепости моей никто смирить не мог,

Но и тогда, как вы, я не бывал жесток!

Теперь за всех, кому я причинил мученья,

Мне душу тяжкие терзают угрызенья...

Довольно враждовать нам с вами! С этих пор

У нас есть общий враг. Дадим ему отпор.

Ободрите меня хотя б единым словом,

И сыну вашему отцом я стану новым,

Сам научу его, как грекам отомстить,

Заставлю их сполна за Трою заплатить!

Пусть подарит меня улыбкой Андромаха

И прежний Илион восстанет вновь из праха,

Быстрее, чем он был разрушен и сожжен,

А отпрыск Гектора займет Приамов трон!

Андромаха

О нет! Теперь, когда нет Гектора на свете,

Нам больше не нужны ни блеск, ни слава эти!

Места, где он погиб, мою удвоят грусть.

К руинам родины я больше не вернусь.

У вас я, государь, прошу одну лишь малость:

Мне ради сына жить и слезы лить осталось.

Так дайте нам приют, где мы могли б одни

Вдали от всех страстей окончить наши дни

В воспоминаниях о павшем Илионе...

А сердце, государь, верните Гермионе!

Пирр

Вы мучите меня! Ну как я ей верну

То сердце, что давно уже у вас в плену?

Я знаю, сам я звал царевну Гермиону

И сам ей обещал и руку, и корону.

Да, обе вы сюда заброшены судьбой,

Она — чтоб царствовать, а вы — чтоб быть рабой.

Но вы же видели, что с самого начала

Царевна нежных чувств мне вовсе не внушала,

Я равнодушен к ней, и двор мой знает весь,

Что пленница — она, а вы — царица здесь.

Вам пылкая любовь внушает отвращенье,

А ей — один мой вздох принес бы утешенье.

Андромаха

Вот ваши вздохи ей пусть и ласкают слух!

У вас пред Грецией есть множество заслуг.

Что против вас ее восстановить могло бы?

Ей не к кому питать ни горечи, ни злобы.

А мой супруг? Увы! Кем он погублен был?

Победою над ним прославился Ахилл,

А вы, всех превзойдя затем в резне кровавой,

Обязаны моим несчастьям вашей славой.

Пирр

Ну, что ж! Я понял все. Пора на этот раз

О вас забыть — о нет! — возненавидеть вас!

Довольно жертвовать и честью, и величьем

Для той, что платит мне холодным безразличьем!

Но помните: я был в любви на все готов

И ненависть моя не знает берегов.

Отныне жалость я с презрением отрину:

За мать держать ответ теперь придется сыну.

Не стану мальчика от кары ограждать:

Он нужен Греции — велю его отдать.

Андромаха

О боги! Он умрет! И нет ему защиты!

Мать — пленница... Отец и родичи убиты...

А может быть, чем жить в бесчестии таком,

Пускай погибнет он. Пусть оба мы умрем!

Придет конец моим несчастиям и бедам.

Я к Гектору в Аид сойду за сыном следом,

И, вас благодаря, супруга обниму.

Мы с сыном, наконец...

Пирр

Идите же к нему.

Обняв свое дитя, поймете вы, возможно,

Что гневу доверять судьбу — неосторожно.

Иного, может быть, поищете пути

И постараетесь еще его спасти.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гермиона, Клеона.

Гермиона

Ну что же, будет все по твоему желанью;

Я приготовилась к нелегкому свиданью.

Ореста приведет сейчас Пилад сюда,

Но лучше мне б его не видеть никогда.

Клеона

Чего боитесь вы? Чем может быть опасно

Для вас свиданье с тем, кто к вам привержен страстно,

Кто жизнь за вас отдать готов во всякий час?.

Вы ж о его любви жалели столько раз!

Гермиона

Мне тем мучительней его увидеть снова,

Что прежде я была с ним чересчур сурова.

Мой нынешний позор — Ореста торжество.

Сравнялся мой удел со жребием его.

"Гордячка, — скажет он, — чьи взоры так надменны,

Сама познала боль презренья и измены!

Она гнала меня; ее покинул он.

Она унижена. Теперь я отомщен!"

О, горе мне!

Клеона

Зачем излишние тревоги?

К нему, да и к себе вы непомерно строги.

Возможно ль, что б он вас хоть словом оскорбил?

Ведь любит он сейчас сильнее, чем любил!

Здоров ли ваш отец? Какие шлет он вести?

Гермиона

Он мне велит домой отплыть с Орестом вместе,

Коль будет дальше Пирр молчать, как до сих пор,

И о троянце с ним не разрешится спор.

Клеона

Тогда еще нужней вам выслушать Ореста.

Пирр хочет вас услать, хоть вы его невеста!

Его решение вы упредить должны,

Покинув тотчас же пределы сей страны.

Не говорили ль вы, что он вам ненавистен?

Гермиона

Да, это истина. Горчайшая из истин!

Как был он дорог мне! Теперь — конец всему.

Любила слишком я, чтобы простить ему.

Клеона

Вот и бегите с тем, кто в вас души не чает.

Гермиона

Ах, ненависть в душе не сразу созревает:

Ей надо время дать сильней пустить ростки...

А вдруг в разлуке с ним я сгину от тоски?

Изменник! Для него отъезд мой — избавленье!

Клеона

И мало вам еще такого оскорбленья?

Вы не уверились, что пыл его угас?

Троянке-пленнице он на глазах у вас

Навязывает трон, любовь свою и руку,

А вы согласны впредь терпеть такую муку,

И отвращенья Пирр досель вам не внушил?

Гермиона

Молчи, жестокая! Нет, нет, он мне не мил!

Погибшая любовь — ничтожная потеря.

Должна поверить ты, своим глазам не веря,

Что стал противен мне предатель навсегда.

Хвали меня за то, что духом я тверда,

И я тогда в свою уверую победу.

Ты говоришь — бежать! Ну что же, я уеду.

Бежим! А он пускай становится рабом

Вчерашней пленницы, введенной им в свой дом.

Постой... А если вдруг в нем чувства вновь проснутся?

Вдруг он надумает опять ко мне вернуться,

Забыв о той?.. Ах, нет! Что было — то ушло...

Но я останусь здесь! Останусь им назло!

Разрушить счастье их я буду только рада.

Их горести теперь — мне лучшая награда:

Коль Пирр уклонится от наших брачных уз,

Восстанет на него весь греческий союз.

Беду на юного троянца навлекла я,

Пускай теперь и мать судьба постигнет злая.

Они почувствуют, как греки мстят врагам.

Пирр выдаст пленницу или погибнет сам!

Клеона

Вы думаете, взор, наполненный слезами,

Захочет с ясными соперничать глазами?

А сердце матери, усталое от бед,

Завоевателю желанный даст ответ?

Взгляните, стала ли спокойней Андромаха?

Нет, на ее лице — печать тоски и страха,

И с Пирром пленница, как прежде, холодна...

Гермиона

Ах, мне бы так уметь держаться, как она!

Но чувства я свои скрывать не научилась.

Моя любовь к нему из глаз моих лучилась.

Могла ль я сохранять высокомерный вид,

Не слушая того, что сердце говорит?

Была бы ты мудрей на месте Гермионы?

Желание отца, величие короны,

И победителей-ахеян торжество,

И юной страсти зов — все было за него!

Заставив Илион испить позора чашу,

Троянским золотом казну наполнив нашу,

Он своего отца отвагою затмил,

А ведь его отец — прославленный Ахилл!

И он меня любил — так мне тогда казалось

Нежней, чем я его... О боги, что с ним сталось!

Нет, нет, забыть о нем, каков бы ни был он!..

Сегодня здесь Орест, и он в меня влюблен.

Довольно горевать! Освободим же место

Для тех, кто верен нам. Пора! Зови Ореста.

Кто знает, может быть, столь бескорыстный пыл...

Клеона

Он ждет вас...

Гермиона

Значит, он все время рядом был?..

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Гермиона, Орест.

Гермиона

Как следует считать: привязанность былая

И чувства добрые иль воля Менелая

И долг пред Грецией, где вас с трофеем ждут,

Вас привели сюда, в печальный мой приют?

Орест

О, к вам меня влекло все то же ослепленье!

Опять решился я на клятвопреступленье.

Я клялся искренне не видеть больше вас,

И вновь у ваших ног, уже в который раз!

Ваш взор в моей душе — таков мой жребий странный

Откроет вновь едва закрывшиеся раны.

Стыжусь, но совладать не в силах я с собой.

С тех самых пор, как мы разлучены судьбой,

Ища от страшных мук спасения, поверьте,

Бросался всюду я навстречу верной смерти.

За ней отправился я к скифским племенам, {24}

Что кровью пленников свой освящают храм.

Но, хоть их идолы известны лютым нравом,

Порой противятся они дарам кровавым,

И я остался жив, влача свою беду;

Вернулся снова к вам и снова смерти жду.

Чтоб жизнь мою прервать, не требуется яда:

Довольно одного безжалостного взгляда.

Изверившись во всем, я убежден давно,

Что на иное мне надежды не дано.

Решать мою судьбу теперь лишь в вашей воле,

Коль скифы дикие меня не закололи,

И даже варваров на свете не найти,

Что вас в жестокости могли бы превзойти.

Гермиона

Признаться, не ждала от вас речей подобных.

Зачем тут поминать каких-то скифов злобных

И сетовать на то, что к вам я жестока?

Куда крупней дела не решены пока!

То поручение, с которым вас Эллада

Отправила сюда, исполнить честно надо

Без промедления — вот что важней всего.

Орест

О, Пирр меня уже избавил от него!

Я получил отказ. Как видно, есть причина

Ему вступать в войну за Гекторова сына.

Гермиона

Изменник!

Орест

Перед тем как мне обратно плыть,

Я о своей судьбе решаюсь вас спросить,

Хоть неприязнь ко мне, наверно, вам подскажет

Ответ, что на душу мне новым камнем ляжет.

Гермиона

Откуда взяли вы, что вам я лютый враг?

Что погружает вас в столь безысходный мрак?

Обрушив на меня лавину горьких жалоб,

Подумайте, как я отцу перечить стала б,

Когда он мне в Эпир отправиться велел?

Но кто сказал, что мне был сладок мой удел?

Что вашу я тогда печаль не разделяла,

Не плакала тайком, о вас не вспоминала?

Я соблюла свой долг и тем была горда.

Но об Оресте я вздыхала иногда.

Орест

Вздыхали обо мне? Не верю! Повторите!

Да наяву ли вы мне это говорите?

Проснитесь же, молю, и бросьте взгляд окрест:

Пред вами я, давно отвергнутый Орест!

Гермиона

Да, предо мною вы, тот человек, который

Открыл мне, что пленять мои способны взоры;

Вы, чьи достоинства я не могу не чтить,

Вы, тот, кого бы я хотела полюбить.

Орест

Я понял вас. Увы! Удел мой — безнадежность.

Мне — уважение, ему — любовь и нежность!

Гермиона

Меняться с Пирром вам местами — не расчет:

Он ненавистен мне.

Орест

Нет, вас к нему влечет!

Всевластная любовь повелевает нами

И разжигает в нас, и гасит страсти пламя.

Кого хотим любить, тот нам — увы! — не мил;

А тот, кого клянем, нам сердце полонил.

Я безразличен вам. И пусть бы вы хотели

Сейчас вознаградить меня на самом деле,

Мстя Пирру за обман, за множество обид,

По-прежнему лишь он в душе у вас царит.

А он не любит вас и по другой вздыхает.

Гермиона

Что говорите вы? Он мной пренебрегает?

Да как решаетесь вы это утверждать?

По-вашему, — ко мне нельзя любовь питать

И в людях образ мой одно презренье будит?

Другие обо мне великодушней судят.

Орест

Вам оскорблять меня, сударыня, легко,

Но вы от истины безмерно далеко.

Иль я не доказал, что время и пространство

Бессильны чувств моих нарушить постоянство?

Я — презираю вас? Увы, меня коря,

Хотели б вы, чтоб он вас презирал, как я!

Гермиона

Ах, что мне до любви иль ненависти Пирра!

Вернитесь в Грецию. Пусть на царя Эпира

Нагрянут тьмы и тьмы врагов со всех сторон!

Пусть греки здесь второй устроят Илион!

Спешите! Иль еще вы не разубедились,

Что я его люблю?

Орест

Ах, если б вы решились

Отправиться со мной! Тогда бы мы скорей

Подвигли на войну всех греческих царей.

Вот дело, истинно достойное спартанки!

Гермиона

А он здесь женится покамест на троянке.

Орест

Увы!

Гермиона

Какой падет на всех ахейцев стыд,

Коль с Андромахой он судьбу соединит!

Орест

И это — ненависть? Признайтесь лучше сразу.

Страсть, как ее ни прячь, видна чужому глазу.

Все выдает нас: вздох, движенье, слово, взгляд.

Скрываемый огонь сильнее во сто крат.

Гермиона

Предубеждение вам отравляет душу.

Неужто я его вовеки не разрушу?

Нельзя все вкривь и вкось упорно толковать

И, словно мне назло, вражду любовью звать.

Я все вам объясню, а действуйте вы сами.

Меня связал мой долг со здешними местами.

Из края этого закрыты мне пути,

Пока отец — иль Пирр — мне не велят уйти.

Идите ж объявить ему, что царь лак_о_нян

Врага Эллады брать в зятья отнюдь не склонен,

И должен Ахиллид немедленно решать:

Троянца ль выдать вам, меня ли отослать.

Пусть выбор сделает решительно и ясно,

Тогда за вами я последовать согласна.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Орест.

Орест

Да, вы покинете Эпир, сомненья нет.

Нетрудно угадать изменника ответ.

Вас, Гермиона, Пирр удерживать не станет

Своей троянкою он безраздельно занят,

Он рвется только к ней, и нужен лишь предлог,

Чтоб от царевны он освободиться мог.

Мы сговоримся с ним. О, нынче я ликую!

Добычу увезти бесценную такую!..

Прощай, Эпир, и будь убежищем пока

Для пленницы-вдовы и для ее сынка.

Воспрянул духом я. Уже и то не худо,

Что милую мою я вызволю отсюда,

И больше никогда ей не встречаться с ним!

Вот и соперник мой. Ну что ж, поговорим.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Пирр, Орест, Феникс.

Пирр

Я вас везде искал и вам хочу признаться,

Что был неправ, решив с Элладой не считаться.

Обдумав вашу речь, не торопясь, в тиши,

Сказал себе я: "Нет, с отказом не спеши!"

И тотчас пожелал продолжить нашу встречу.

Я убедился в том, что впрямь противоречу

Тем заверениям, что были мной даны,

Обычаям отцов и правилам войны.

Да, страхи Греции имеют оправданье.

Пусть сына Гектора постигнет наказанье.

Орест

Я рад, что с Грецией в согласии Эпир,

А кровь несчастного нам обеспечит мир.

Пирр

В намереньях моих не будет перемены.

Решил сегодня же я с дочерью Елены

Связать свою судьбу. А вы, великий грек

И родственник царя, на мой ступили брег

В счастливый час — затем, чтоб представлять Элладу:

Ее посол вручит мне высшую награду.

Итак, торжественно я поручаю вам

Царевну известить, что завтра ждет нас храм.

Орест

О боги!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Пирр, Феникс.

Пирр

Все еще я раб постыдной страсти,

Иль нынче ты меня одобришь хоть отчасти?

Феникс

Да, государь, теперь я одобряю вас.

Ваш справедливый гнев мне доказал сейчас,

Что возродились в вас достоинство и сила,

Что вы — воитель, царь и грозный сын Ахилла,

А не дитя, чей ум любовью ослеплен.

Сегодня побежден вторично Илион.

Пирр

Нет, Феникс, этот день — победы лишь начало.

Давно моя душа в плену изнемогала.

Но вот я наконец свободен от оков!

Любовь трудней сломить, чем полчища врагов.

Подумай, сколько бед нависло над Эпиром!

Ведь рисковал я всем: друзьями, долгом, миром;

Корону, жизнь, любовь — все положить был рад,

Как дар, к ее ногам за благодарный взгляд;

Готов был умереть иль потерять свободу,

Со всей Элладою воюя ей в угоду...

Феникс

Благодарю богов: вы свергли эту власть.

Пирр

Не в меру пленница пред Пирром занеслась!

Увидев, что она едва жива от страха,

Решил я, что свой нрав изменит Андромаха:

Боязнь за мальчика вернет рассудок ей

И сделает ее к заступнику добрей.

Но горе чувства в ней лишь пуще подогрело:

В слезах прижав к груди младенческое тело,

Закрыв глаза и впав как будто в забытье,

Она твердила: "Сын! Сокровище мое!

Ты вылитый отец. В тебе мой Гектор милый

С его глазами, ртом и богатырской силой".

Что ж, после этого оставить сына ей,

Чтоб Гектора она любила тем сильней?

Феникс

Нет, невозможно дать ей попирать пятою

Достоинство царя!

Пирр

Ах, гордость с красотою

Суть близнецы! Она — как я ни гневен — ждет,

Что вскоре Пирр опять к ногам ее падет.

Нет, я у ног своих теперь ее увижу!

Отцовской славы я пред нею не унижу.

Ахилл мне был отцом. Ей Гектор мужем был.

Мы с ней враги навек, как Гектор и Ахилл.

Феникс

Довольно, государь! Скажу вам об Оресте:

Ошиблись вы, послав соперника к невесте.

Ступайте сами к ней. Из ваших уст должна

Она узнать о том, что свадьба решена.

Пирр

Да, церемония сегодня состоится...

А ревность в пленнице не может пробудиться?

Феникс

О боги, вновь она! Но до каких же пор

Сводиться будет к ней любой ваш разговор?

Какими чарами она вас покорила?

Пирр

Постой, я ей сказал не все, что надо было.

Она не слышала еще, что я женюсь,

Не знает, что пред ней я больше не склонюсь,

Не выпила до дна всю чашу униженья,

Я ей не отплатил за все мои мученья,

Не показал, как Пирр суров к своим врагам!

Феникс

Идите, падайте опять к ее ногам!

Наденьте заново любовные оковы.

Нет, к рабству прежнему, я вижу, вы готовы.

Пирр

Ты думаешь, мой гнев улегся и остыл,

И я ей дам понять, что снова все простил?

Феникс

Любовь слепа…

Пирр

К кому? К неблагодарной пленной.

Что на мою любовь лишь дерзостью надменной

Посмела отвечать, судьбу свою кляня?

Кто б сохранил ей жизнь, коль не было б меня,

Ей, чужестранке здесь... нет, более — рабыне!

Ведь я ей слово дал заботиться о сыне,

Ей руку и любовь и царство предложил,

И что в ответ? — одни упреки заслужил!

Нет, я поклялся мстить гордячке беспощадно,

Чтоб впредь упорствовать ей было неповадно,

И выдам мальчика... О, сколько будет слез!

Мне будет сказано, что я ей смерть принес.

Да, Андромаха жить без мальчика не будет.

Она умрет. И кто на казнь ее осудит?

Я сам. Как будто в грудь я ей всажу кинжал!

Феникс

Но кто ей отомстить недавно обещал?

Иль слабости своей не знали вы дотоле?

Пирр

Ты прав. Но извини мне этот приступ боли.

Сегодня я даю любви последний бой,

И мне достанет сил, чтоб совладать с собой.

Отныне все решать тебе я доверяю.

Как с Гермионой быть и с мальчиком — не знаю...

Феникс

Идите тотчас к ней. Вас ждут уже давно.

Пирр

Я буду действовать, как было решено.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Пилад, Орест.

Пилад

Ну, успокойтесь, друг! Нельзя же так, поверьте!

Очнитесь и порыв безумия умерьте.

Вас не узнать.

Орест

Увы, Пилад, ты опоздал:

Советов разума я слушаться устал.

Но горестям моим уже недолго длиться…

Уехать вместе с ней — иль с жизнью распроститься!

Решенье принято. Так я и поступлю.

Не отговаривай.

Пилад

Согласен, но, молю,

Придите вы в себя, Орест, на вас лица нет!

Заметит это всяк, кто даже мельком глянет.

Чтоб вашим замыслам сопутствовал успех,

Намеренья свои должны вы скрыть от всех.

Здесь Пирру и его невесте все подвластны;

И челядь царская, и стража вам опасны.

Нельзя выказывать волнение свое.

Ну, вот сейчас — зачем искали вы ее?

Орест

Не знаю... Я собой и вправду не владею.

Слепой от ярости, я ринулся за нею

И чуть было не стал грозить обоим им.

Пилад

Чего ж достигли вы неистовством своим?

Орест

Вскипела кровь во мне, и занялось дыханье...

Как было сохранить тут самообладанье?

С царевной вскоре Пирр идти намерен в храм,

И я вручить ему невесту должен сам!

Да лучше б обагрил в крови я эти руки!

Пилад

О да, вам нелегко. Но те же терпит муки

Вам ненавистный Пирр: с женитьбою и он

Теряет женщину, в которую влюблен.

Орест

Неправда, Пирру льстят мучения Ореста!

Здесь долго до меня жила его невеста,

К ней становился он что день, то холодней.

Нет, только мне назло он женится на ней!

Все шло так хорошо! В ней пробудилась жалость,

К тому, чтоб стать моей, она совсем склонялась,

А к Пирру ненависть росла в ней каждый час.

О, если б от него я получил отказ

Со мною в Спарту плыть она бы согласилась

И словом бы одним моя судьба решилась!

Пилад

Вы в это верите?

Орест

Она была полна

Негодования...

Пилад

А значит — влюблена.

А если б Ахиллид и произнес то слово,

Любого повода, хоть самого пустого,

Довольно было б ей, чтоб вновь вам отказать.

Не с нею надо вам, а от нее бежать.

Я не пойму, зачем вы так стремитесь сами

Со злой обидчицей сковать себя цепями.

Она бы до конца печальных ваших дней

Вас ненавидела жестоко...

Орест

Тем нужней

Их разлучить. Мечты ее близки к свершенью,

Я ж обречен опять скитаться грустной тенью...

Нет, не хочу один нести страданий гнет!

Пусть делит их со мной! Пусть тоже слезы льет!

Довольно потакать безудержной гордыне!

Внушать не жалость ей, а страх хочу я ныне.

Пускай же мне теперь ее печальный взор

Как ей доселе мой — жестокий шлет укор!

Пилад

Сомнительный итог высокого посольства:

Стать похитителем!

Орест

Чьего же недовольства

Страшиться мне, Пилад? К чему иной итог,

Коль буду я, как был, несчастен, одинок?

Меня вознаградят за труд мой славой греки.

Но здесь — посмешищем останусь я навеки!

И надоело мне — скажу начистоту

Терпеть из честности такую маету!

Пилад, какою ты мне объяснишь причиной,

Что зло всегда в чести, страдает же — невинный,

И тот, кто жертвует собою для других,

Лишь неприязнь и злость в ответ находит в них?

Сколь добродетельной я ни держусь дороги,

Меня преследуют безжалостные боги.

А коли так — теперь, пред ними страх презрев,

Я стану делать все, чтоб заслужить их гнев.

Но ты не должен, нет, делить со мною вместе

Опасность гнева их и беспощадной мести,

Не должен, как и я, к погибели идти.

Оставь меня! Сверни с неверного пути.

Троянца отвези и не перечь закону.

Прощай!

Пилад

Нет, мы вдвоем похитим Гермиону!

Себя в опасности являет стойкий дух.

К невзгодам брата брат не остается глух.

Пусть греки паруса поднимут на рассвете.

Готовы корабли. Благоприятен ветер.

Я знаю весь дворец. Есть некий тайный ход,

Который к пристани невидимо ведет.

Я под покровом тьмы погони не накличу

И в руки вам отдам желанную добычу.

Орест

Пилад, мой друг, твоя безмерна доброта!

Но ты простишь тому, чья рухнула мечта,

Кто обеспамятел от нестерпимой боли,

Кто опротивел всем, а сам себе — тем боле.

Когда-нибудь и я, быть может, отплачу...

Пилад

Приободритесь же! Вот я чего хочу!

Вы не должны ни в ком посеять подозренье.

Забудьте о любви. Забудьте об измене.

Держитесь веселей. Она идет сюда.

Орест

Я понял все и тверд сейчас, как никогда.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Гермиона, Орест, Клеона.

Орест

Царевна, с Пирром мы закончили беседу.

Ваш брак решен. Для вас я одержал победу.

Гермиона

Уже сказали мне. И даже говорят,

Что совершите вы вручения обряд.

Орест

А ваше сердце вновь любить его готово?

Гермиона

Могла ль я ждать, что вдруг нарушенное слово

Надумает сдержать непостоянный Пирр

В тот час, когда решусь покинуть я Эпир?

Но обольщаться мне надеждами не надо:

Им движет не любовь — его страшит Эллада.

Вы горячей, Орест, мне преданы, чем он.

Орест

Нет, нет, он любит вас, я в этом убежден.

Ликуйте! Ваших глаз магическая сила

Лишь то, к чему давно стремились вы, свершила.

Гермиона

Стремилась? Ах, к чему могла стремиться я?

Всегда в чужих руках была судьба моя.

И вы ко мне свой взор не обращайте гневный:

Повиновение — высокий долг царевны.

И все же я для вас — известно вам о том

Чуть не нарушила мой долг перед отцом.

Орест

Толкали вас на то обида, гордость, разум,

Но сердце глухо к их внушеньям и приказам.

Вас снова повлекло к тому, кто сердцу мил,

И жалобой я вас напрасно утомил.

В чем вас винить? Судьба наносит мне удары,

Хоть я не заслужил ничем суровой кары.

Ваш долг — царицей стать, а мой — избавить вас

От неприятных слов в столь долгожданный час.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Гермиона, Клеона.

Гермиона

Как кроток гнев его! Спокоен он на диво.

Клеона

Сильней страдают те, чье горе молчаливо.

Ореста очень жаль еще мне потому,

Что сам способствовал он горю своему

Ведь столько времени молчанье Пирра длилось!

Едва явился он — и сразу все решилось.

Гермиона

Не думаешь ли ты, что Пирра страх объял?

Что тех, кто в ужасе от Гектора бежал,

Кого троянцев рать десятки раз крушила,

Кто, перепуганный отсутствием Ахилла,

Спасался от врагов в горящих кораблях {25}

И, если бы не Пирр, разгромлен был в боях,

Воитель доблестный, Ахилла сын, боится?

Нет, я любима им, раз он решил жениться.

Орест меня винит в несчастии своем.

Но что мне до него? Все мысли — о другом!

Вернулся Пирр ко мне. О, милая Клеона,

Подумай, как сейчас ликует Гермиона!

Что знаешь ты о нем? Ты слышала, какой

Он храбрый, доблестный, прославленный герой?

Победы гром ему сопутствует повсюду.

Он верен мне, и я его супругой буду!

Ведь он...

Клеона

Да, ликовать сегодня ваш черед.

Но тише! Пленница, в слезах, сюда идет.

Гермиона

Нет, не дадут вкусить мне долгожданной славы!

Ну что я ей скажу?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Андромаха, Гермиона, Клеона.

Андромаха

Царевна, ах, куда вы?

Наверно, видеть вам приятно наяву

У ваших ног, с мольбой, несчастную вдову.

Не думайте, что я явилась перед вами

Триумф ваш омрачить ревнивыми слезами.

Один лишь Гектор был мной горячо любим,

Любовь моя ушла в могилу вместе с ним.

Когда он был пронзен безжалостной рукою,

Я потеряла все: родных, супруга, Трою.

Но мне остался сын. Как любит сына мать,

Придет и ваш черед когда-нибудь узнать.

Но не желаю вам изведать столько боли:

Знать, что свое дитя спасти не в вашей воле,

Когда его отнять и погубить хотят.

Ведь сын мой жизни мне дороже во сто крат!

Вы знаете, когда, уставши от лишений,

Троянцы начали в сердцах грозить Елене,

Мне стало жаль ее — и Гектор жизнь ей спас. {26}

Так попросите же теперь и вы за нас!

Молю вас, дайте мне возможность вместе с сыном

Укрыться от людей на острове пустынном.

Невинное дитя — чем он опасен вам?

Я научу его не битвам, а слезам.

Гермиона

Вам всячески помочь от всей души желая,

Могу ль противостать намереньям отца я?

А к Пирру отряжен Орест отцом моим.

Но Пирр, поскольку власть ваш взор имел над ним,

Наверно, рад служить вам будет безотказно.

Пусть скажет слово он — я соглашусь заглазно.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Андромаха, Сефиза.

Андромаха

Каким презрением звучал ее ответ!

Сефиза

Не отвергайте же вам поданный совет:

Поговорите с ним, но кротко и безгневно.

Смотрите, вот он сам!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Пирр, Андромаха, Феникс, Сефиза.

Пирр

(Фениксу)

Скажи мне, где царевна?

Она прошла сюда с подругою своей.

Феникс

Не знаю, право, но...

Андромаха

(Сефизе)

Вот власть моих очей!

Пирр

(Фениксу)

Что говорит она?

Андромаха

Покинута я всеми.

Феникс

Царевна где-то здесь.

Сефиза

(Андромахе)

Пока еще есть время,

Не медлите! Пора молчание прервать.

Андромаха

Он сына отдает...

Сефиза

Но может не отдать!

Андромаха

Спасенья нет! И мать напрасно слезы точит.

Пирр

Она и в сторону мою смотреть не хочет.

Вот гордость!

Андромаха

(Сефизе)

Гнев его мы только возбудим.

Уйдем скорей!

Пирр

(Фениксу)

Ну что ж, ребенка отдадим.

Андромаха

(бросаясь на колени перед Пирром)

О, сжальтесь, государь! Приказ свой отмените

Иль вместе с мальчиком и мать его казните!

Вы в чувствах дружеских клялись мне столько раз.

Неужто жалости ни капли нет у вас?

Сын обречен, и нет надежды на спасенье?

Пирр

Я слово дал — и путь отрезан к отступленью.

Андромаха

Ведь раньше не пугал вас целый сонм врагов!

Пирр

О, я тогда был слеп. Но спал с очей покров.

Меня враждебностью встречали вы открытой,

Пренебрегали вам предложенной защитой,

Теперь же — поздно.

Андромаха

Ах, при виде слез моих

Могли вы, государь, понять без просьб иных,

Что Гектора вдове, хоть век его был краток,

Простительно хранить достоинства остаток,

Что, кроме вас, никто и никогда б не мог

Склоненной у своих меня увидеть ног.

Пирр

Нет, ваша ненависть была всему началом.

Боялись вы мне быть обязанной хоть в малом,

И — будь он мной спасен — ваш сын любимый сам

И тот бы, мне назло, стал меньше дорог вам.

Всегда презрение читал я в вашем взгляде,

И в вас вражда ко мне сильнее, чем к Элладе.

Пусть благородный гнев и впредь вам дух бодрит!

(Фениксу)

Пойдем.

Андромаха

Пойду и я — за Гектором, в Аид.

Сефиза

О госпожа...

Андромаха

Ну, вот, ты видишь — все напрасно.

Виновник бед моих, он знает их прекрасно.

(Пирру)

Смотрите, до чего меня вы довели!

Я видела разгром отеческой земли

И гибель всех родных — в отчаянье и страхе,

И тело Гектора, влекомое во прахе...

Да, я жива... Но мне остался только сын,

И принуждает жить меня лишь он один.

Порой пыталась в том найти я утешенье,

Что с ним попала я под ваше попеченье;

Коль он утратил трон, свободу, свой народ,

Пусть покровителя он в Пирре обретет

Ведь ласков был Ахилл со стариком Приамом,

Пусть он служенье вам не почитает срамом

И, взыскан милостью царя, не помнит зла...

Прости, супруг, что я доверчива была

И думала, что Пирр, хоть он в бою и злобен,

Но благороден, смел, к коварству неспособен.

Да, лучше бы в тот час, когда ты в битве пал,

И нам сраженными быть тоже наповал,

Чем после Пирровы увидеть злодеянья

И жизнь из рук его принять, как подаянье!

Пирр

(Фениксу)

Ступай и жди меня.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Пирр, Андромаха, Сефиза.

Пирр

Решайте же! Сейчас

К спасенью сына путь еще открыт для вас.

Да, смертью мальчика жестоко вас пугая,

В вас создавал себе не друга, а врага я,

Мне это горестно и больно сознавать.

Пока еще могу все повернуть я вспять.

Взгляните на меня, не бойтесь! Неужели

Так на мучителя похож я в самом деле?

Толкнули вы меня к поступкам столь крутым,

Ожесточив мой дух презрением своим.

Я вас в последний раз прошу, во имя сына:

Пусть наши помыслы сольются воедино.

Ужель униженно я должен умолять

Ребенку жизнь спасти его родную мать?

Известно: сеешь зло — так жди кровавой жатвы.

Но ради вас я вновь свои нарушу клятвы.

И, чтобы повести мне вас с собой к венцу,

Я Менелая дочь верну ее отцу,

Хоть знаю, что, отдав вам руку и корону,

Смертельно оскорблю царевну Гермиону.

Все судьбы в этот час должны быть решены.

Корона — или смерть: вы выбирать вольны.

Пора уже и мне на что-нибудь решиться!

Я больше не могу пустой надеждой льститься,

Устал я умолять, грозить и убеждать.

Мне вас утратить — смерть, но смерть и дольше ждать.

Итак, я ухожу. Но я вернусь за вами.

Нас будет ожидать ваш сын сегодня в храме.

Надеюсь стать отцом ему и мужем вам.

А если нет — на казнь при вас его отдам.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Андромаха, Сефиза.

Сефиза

Я говорила вам, что вы своею властью

Еще успеете не дать стрястись несчастью.

Андромаха

Увы, как горек мне твоих речей итог!

Да, сына потерять пришел, как видно, срок.

Сефиза

Но верность Гектору храня столь безусловно,

В сыновней гибели вы будете виновны.

Наверно, Гектор сам того бы не желал!

Андромаха

Ты хочешь, чтобы Пирр моим супругом стал?

Сефиза

Но материнский долг всех прочих чувств превыше.

А вы упрямитесь, загробный голос слыша...

За что так презирать воителя, царя,

Который любит вас, почти боготворя,

Кто ради вас пойдет на битву с целым миром,

Отцовской славою пожертвует, Эпиром

И отречется сам от всех своих заслуг?

Андромаха

Ах, то, что Пирр забыл, — как я забуду вдруг?

Что милый Гектор мой, лишенный погребенья,

Стал жертвой низкого, постыдного глумленья?

Что бедный мой отец, почтенный старец, царь,

Заколот был, когда он обнимал алтарь?

О, эта ночь резни! О, ужас (этой ночи!

Застлал он вечной тьмой моих любимых очи.

Ты помнишь? Пирр идет. Алеет кровь на нем.

Он освещен дворцов пылающих огнем,

Проходит Трою он от края и до края,

Тела моих родных ногами попирая,

Под стоны гибнущих, под звон и лязг мечей,

Под клики грабящих жилища палачей,

И в страхе перед ним склоняются, живые...

Таким передо мной явился Пирр впервые.

Свершал он подвиги ценой моих потерь.

И вот кого в мужья ты прочишь мне теперь!

Нет, мне вознаграждать злодейство не пристало.

Пусть лучше нас убьет обоих, если мало

Ему тогдашних жертв, и наш пришел черед.

Сефиза

Но на глазах у вас ребенок ваш умрет!

Вы вздрогнули? Пока вы власти не лишились...

Андромаха

Мне в грудь твои слова, как дротики, вонзились!

Мой ненаглядный сын, любви живой залог,

Единственное, что мне муж оставить смог

На память о себе, идя на бой с Ахиллом!

О, как печально он прощался с сыном милым! {27}

Взяв на руки его, он слезы мне отер

И молвил: "Нам судьбы неведом приговор.

Кто знает, что нас ждет? Но если не вернется

Его отец — тогда, жена, тебе придется

Быть в жизни мальчику опорой до конца

И заменить ему погибшего отца.

Во имя прошлого, что столь счастливым было,

Люби мое дитя, как ты меня любила!"

Как! Свет очей моих, сын Гектора умрет,

И прекратится с ним царей троянских род?

Ужель жестокости у Ахиллида хватит,

Чтоб за отказ мой мстить невинному дитяти?

Пирр ненавистен мне. Но сына в чем вина?

И почему я им пожертвовать должна?

Тебя убьют, коль я вмешаться не успею!

Мой мальчик, поднят меч над головой твоею,

Какой ценой могу его я отвести?

Ты будешь жить! И я должна тебя спасти.

Пойдем за Пирром! Нет. Сефиза, дорогая,

Ступай за ним.

Сефиза

Но что сказать ему должна я?

Андромаха

Скажи, что я... что сын всего дороже мне...

Но к делу черному готов ли Пирр вполне?

Толкнет ли страсть его на шаг столь беззаконный?..

Сефиза

Сейчас он сам сюда вернется, разъяренный...

Андромаха

Скажи ему...

Сефиза

Что вы решились? Ну, а вдруг?..

Андромаха

Ах, если б я могла решиться... О, супруг!

О, Троя. Ах, отец! Кто дух мой успокоит?

Да, сын мой, жизнь твоя недешево мне стоит.

Идем, бежим...

Сефиза

Куда? Ответьте мне, прошу!..

Андромаха

Спрошу я Гектора и сразу все решу.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Андромаха, Сефиза.

Сефиза

Какие чудеса за этот час свершились?

Я вижу, наконец на жертву вы решились.

То Гектор вам внушил, что путь закрыт иной,

А сына вы должны спасти любой ценой.

Теперь он будет жить! Ведь слышали вы сами,

Что Пирр с надеждою вас ожидает в храме.

Согласье ваше в нем удвоит страсти жар:

Богатства, славу, трон вам принесет он в дар

И сам у ваших ног, покорный и влюбленный,

Вас будет звать своей владычицей законной,

Хоть знает, что, идя с троянкой под венец,

Союзу с Грецией положит он конец

И греки на Эпир обрушатся войною.

Да, ради вас он сам рискует головою,

Но вам обоим он защиту обещал...

Андромаха

Пойдем же к мальчику, Сефиза, час настал.

Сефиза

Вам незачем спешить! Ведь, будучи царицей,

Себя вы сможете вознаградить сторицей.

Теперь свободны вы и, как любая мать,

Ребенка будете и нежить и ласкать;

Вам предстоит растить его не для неволи,

А для великих дел и для высокой доли.

Он Трою возродит и тем прославит вас.

Андромаха

Хочу я на него взглянуть в последний раз.

Сефиза

Что слышу я? Увы!

Андромаха

Сефиза, дорогая,

Тебе я все могу поведать, не скрывая.

В несчастье ты всегда мне предана была,

Но все же до конца меня не поняла:

И ты поверила, что я обет священный

Способна осквернить кощунственной изменой

И, благоденствие купив ценой такой,

Встревожу родичей погубленных покой?

Но, как душа моя в тоске ни изнывает,

Спасти наследника мне долг повелевает,

А Пирр усыновить ребенка будет рад,

Лишь только жрец свершит венчания обряд.

И принятое им решенье непреложно,

А греков ненависть лишь подогреет в нем

Стремленье настоять в их распре на своем.

Итак, решилась я пожертвовать собою.

Согласье я даю стать Пирровой женою;

Пусть обещания царя услышит храм,

Пред алтарем ему я сына передам,

И жизнь, которую ценить я перестала,

Мгновенно оборву при помощи кинжала.

Так долгу своему останусь я верна,

И будет вдовья честь моя сохранена.

Теперь мой замысел ты знаешь немудреный.

То — воля Гектора. И умиротворенной

Одна я завершу печальной жизни круг,

А ты — ты мне глаза закроешь, милый друг.

Сефиза

Ах, вам закрыв глаза, и я сойду в могилу!

Андромаха

Нет, должен сохранить надолго дух твой силу!

Как прежде для меня — для сына ты живи.

Тебе вручаю я дитя моей любви,

Мое сокровище. Он восстановит Трою.

Будь нянькою ему и матерью второю,

Следи за тем, чтоб царь, пока мой мальчик мал,

Как истинный отец, его оберегал.

Напоминай ему, что клятвою он связан

И пасынка любить и пестовать обязан

И что законный наш, хоть и недолгий, брак

Доверья моего к нему бесспорный знак.

Ты сыну расскажи о предках знаменитых;

Пусть подражает им, пусть славою затмит их.

Не дай ему забыть, что Гектор был герой,

Да и о матери напоминай порой.

Пусть знает мальчик мой свое предназначенье

И к подвигам родных питает уваженье,

Но пусть не думает за нас Эпиру мстить:

Наставник Пирр ему — его он должен чтить.

Пусть скромным он растет, хоть род его и знатен,

Не мнит, что долг пред ним Эллады неоплатен,

Последний он в роду, и, чтобы жил он впредь,

Мне всем пожертвовать пришлось и умереть.

Сефиза

О, горе!

Андромаха

Не иди за мной. Коль ты не сможешь

С собою совладать — несчастья ты умножишь.

Сдержись, сюда идут. Утри же слезы с глаз.

Зависит от тебя судьба моя сейчас.

Царевну вижу я. Нам встречи с ней опасны.

Уйдем скорей!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Гермиона, Клеона.

Клеона

Как вы загадочно безгласны!

Вам в сердце нанесен безжалостный удар,

И не разжег он в вас бушующий пожар?

Троянку помянуть без дрожи не могли вы,

А в этот страшный час — спокойны, молчаливы…

Ужель еще вчера в отчаянье ввергал

Вас каждый взгляд, что Пирр на пленницу бросал?

Теперь он с нею в брак вступает беззаконно,

Обещанные вам любовь, страна, корона

Все отдается ей, а вы... Нет, неспроста

Зловеще сомкнуты бескровные уста!

Ни слова? Жутко мне... Несчастьями чреваты

Затишья пред грозой...

Гермиона

Ореста позвала ты?

Клеона

Да, он сейчас придет. Вы убедитесь вновь,

Что бескорыстная владеет им любовь,

Что жертвовать собой для вас ему привычно,

Что ваша власть над ним, как прежде, безгранична.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ {28}

Орест, Гермиона, Клеона.

Орест

Могу ль поверить я живительным словам?

Возможно ль, что Орест понадобился вам?

Измученной души надежда не дерзка ли?

На самом деле вы за мною посылали?

Неужто наконец и мне забрезжил свет?

Гермиона

Ответьте — любите меня вы или нет.

Орест

Люблю ли? Но тогда откуда эти муки

И бегство, и возврат, неистовство в разлуке,

Глаза, которые всегда от слез влажны?

Какие вам еще свидетельства нужны?

Гермиона

Отмстите за меня — и мне других не надо.

Орест

Нам стоит лишь воззвать — и встанет вся Эллада!

Так будем действовать! Вы — именем своим,

А я — моим мечом. Эпир мы разгромим.

Троянскую войну в Эпире мы устроим,

Но Трои бедствия удвоим и утроим!

И радость мщения, и почести нас ждут.

Скорей же к кораблям!

Гермиона

Мы остаемся тут.

Я не намерена трусливою оттяжкой

Помочь моим врагам избегнуть кары тяжкой.

Не ждать, когда придут победы времена,

А мстить немедленно, сейчас же я должна

И не уеду прочь, не услыхав стенаний

И скрежета зубов! Здесь нынче поле брани.

Так поспешите в храм. Уходит время зря!

Пусть там настигнет смерть...

Орест

Смерть? Но — кого?

Гермиона

Царя!

Орест

Как, Пирра?

Гермиона

Вижу я, остыло ваше рвенье!

Хотите — я свое переменю решенье,

Признаю, что как царь он неприкосновен,

Но вам уж ничего не предложу взамен.

Орест

Не мне его щадить! Снискавши милость вашу,

Страданья моего он переполнил чашу.

Сам жажду мести я, но мести не такой.

Нет, в спину нож всадить предательской рукой

Поступок для посла всей Греции невместный.

Достойней победить в войне прямой, и честной.

На то ль народ меня доверием облек,

Чтоб в Пирровой крови я обагрил клинок?

Пусть Греция на смерть отступника осудит

Тогда и умирать ему тяжеле будет.

Пока ж еще он — царь, а с царского чела...

Гермиона

Да, но ведь я его на гибель обрекла!

Вам недостаточно, что честь моя задета,

Что кровью заплатить он должен мне за это,

Что вам себя дарю я за расправу с ним,

Что он — мой лютый враг, что был он мной любим?

Да, брака этого вся Греция желала,

Но Пирр был дорог мне — я не таюсь нимало,

И, если тотчас же злодея не казнить,

Боюсь, что я еще могу его простить.

От слова царского он отступил позорно,

Пред вами, предо мной его вина бесспорна,

Но если будет Пирр сегодня пощажен,

То завтра может стать мне снова дорог он!

Орест

Что ж, надо погубить безжалостно злодея.

Служить я вам готов, но вот когда и где я,

Обрушу на него карающий свой меч?

И тотчас должен ли я жизнь его пресечь?

Ведь я едва ступил ногою в это царство,

А должен сокрушить устои государства,

Монарха умертвить! И этот ваш приказ

Мне не за месяц дан, не за день, а за час

До вожделенного и страшного мгновенья,

Когда, по-вашему, должно свершиться мщенье.

Нет, прежде чем придет со мною смерть к царю,

Его сопровожу я чинно к алтарю,

А ночью поглощен он будет вечным мраком...

Гермиона

Но днем успеет он с ней сочетаться браком!

Для них уже престол во храме водружен,

И мой позор всему народу разглашен.

Но беззащитен Пирр: он повелел конвою

Троянца охранять. Себя он с головою

Вам предает, — а вы пойдете молча в храм

Покорно наблюдать, как торжествует срам!

Убейте же того, кто столь самонадеян;

Вооружите всех вам преданных ахеян,

Им в помощь можете вы взять моих людей,

Чья ненависть к нему сравнится лишь с моей.

Вступая с пленною троянкой в брак бесстыдно,

Элладу предал он — всем это очевидно,

И мести жаждут все: лишь нужно бросить клич

Иль просто не мешать клинкам врага настичь.

Возглавить эллинов, идти ль за ними следом

Решайте сами вы. Мой приговор вам ведом:

Хочу я Пирра кровь увидеть. И тогда

Я ваша.

Орест

Ах, но я…

Гермиона

Довольно! Я горда.

Мне оскорбительны одни слова, без дела.

Путь к сердцу своему я вам открыть хотела

И обнадежить вас... Но и любви моей

Привычка сетовать, как видно, вам милей.

Так возвращайтесь же, по-прежнему стеная,

Обратно в Грецию, а мстить могу одна я.

И от Ореста я услышала отказ!

Не много ли обид досталось мне зараз?

Иду я в храм, туда, где месть должна свершиться,

Где не решаетесь вы за меня сразиться,

И сердце, что броней надежной прикрывал

Он от моей любви, пронзит насквозь кинжал.

Затем убью себя своею же рукою,

Свою соединю судьбу с его судьбою.

Ведь, как он ни жесток, — он воин и герой.

Погибнуть лучше с ним, чем с вами быть живой!

Орест

Уймите ваш порыв: он противоестествен;

Я дал вам слово мстить — я за него ответствен.

Сам вашего врага я гибели предам

И стану, может быть, небезразличен вам.

Гермиона

Спешите! Тем скорей и якорь будет поднят:

Покинем вместе мы Эпир еще сегодня.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Гермиона, Клеона.

Клеона

Вы губите себя! Быть надо холодней...

Гермиона

Гублю себя иль нет — мне месть всего важней.

Хоть говорит Орест, что он на все решится,

Вполне ли на него могу я положиться?

Мне больше, чем ему, принес изменник зла,

И я сама удар верней бы нанесла.

Самой убить его! Какое ликованье

Увидеть свой кинжал в кровоточащей ране

И, довершив своей победы торжество,

Троянку в смертный час укрыть от глаз его!

Ах, если б мне была дана хоть та отрада,

Чтоб перед смертью он узнал, что не Эллада,

А я, я мщу ему за гнусные дела!

Ступай, покуда кровь еще не потекла,

Пока он жив — беги, — пусть он из уст Ореста

Узнает, что ему мстит прежняя невеста.

Клеона

Иду. О, близится ужасная беда!

Но что это? Сам царь пожаловал сюда.

Гермиона

Остановись! О нет, беги скорей, Клеона,

Вели Оресту ждать, что скажет Гермиона.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Пирр, Гермиона, Клеона.

Пирр

Меня не ждали вы... Прервав ваш разговор,

Я знаю, что от вас я заслужил укор.

Но я пришел не с тем, чтоб толкованьем лживым

Пытаться всем моим делам несправедливым

Благопристойное обличие придать;

Я не могу себя пред вами оправдать,

И горделивой мне не сохранить осанки,

Но выбор сделан мной: женюсь я на троянке

И отдаю ей все, обещанное вам.

Другой бы тут прибег к чувствительным словам,

Сказал бы, что отцы распорядились нами

Не как хотели мы, а как решили сами,

Двоих нелюбящих друг к другу привязав.

Но не оспорил я тогда отцовских прав

И тем уж виноват. Впоследствии отправил

За вами я послов, и вас корабль доставил

Сюда, в Эпир, где вам оказан был почет.

Хотя уже давно к другой меня влечет,

Я дал себе зарок во что бы то ни стало

Остаться верным вам. И все же, видно, мало

Желанья следовать по избранной стезе:

Препятствовать страстям напрасно, как грозе;

И верх взяла любовь; троянкой полоненной

Я сам захвачен в плен — безвольный и влюбленный.

И вот сегодня с ней идем мы под венец.

Рассудку вопреки я жажду, чтобы жрец

Назвал моей женой ту, кем я ненавидим.

Наперекор себе в священный храм мы внидем.

Да, мне вины своей пред вами не избыть:

Клятвопреступник я, но я хочу им быть!

Так пусть скорее гнев ваш справедливый грянет:

Быть может, вам и мне на сердце легче станет.

Кляните же творца содеянного зла!

Любая мной от вас заслужена хула.

Гермиона

Я ваше, государь, ценю чистосердечье:

Вы доказали мне своей пространной речью,

Что, совершая зло, его вы звали злом

И знали, что хула вам будет поделом.

Ну что ж, бывают ведь на солнце тоже пятна;

Сегодня слово дать, а завтра взять обратно

Для славного царя естественно вполне.

Рабом быть клятвы? Нет!.. Вы и пришли ко мне,

Лишь чтоб нечестностью своей покрасоваться.

Вам, видно, в низостях приятно признаваться.

Прекрасно! Честь и долг попрать и отмести,

Любить одну, в Эпир другую привезти,

Бросать меня, опять вздыхать передо мною

И тут же пленницу назвать своей женою!

Царевну оскорбить, рабу возвесть на трон,

Сперва для эллинов разрушить Илион,

Для сына Гектора потом предать Элладу...

Кто столько славных дел свершить способен кряду,

Не даст себя связать ни клятвам, ни словам,

И произвол его себе довлеет сам.

Чтоб усладился слух супруги нежной вашей,

Как вас назвать — лжецом или еще покраше?

Желаете вы с ней глумиться надо мной,

Хотите выставить меня с моей бедой

Всем на посмешище? Не много ль будет, впрочем,

Вам радостей зараз? Нет, кое-что отсрочим...

Другие вас потом как должно наградят.

Не стоит удлинять прозваний длинный ряд,

Который вы давно по праву заслужили:

Кем зверски был убит старик Приам? Не вы ли

И всю его семью сразили наповал?

Кто, как не вы, детей и женщин убивал?

А Поликсену кто, к негодованью греков,

Постыдно удушил? {29} Кто кровью человеков

Залил несчастный град, как вешнею водой?

Вы! В чем вам отказать, о доблестный герой?

Пирр

Я за Елену мстил — ведь это вам не внове,

Но знаю — пролил я немало лишней крови:

Увлекшись битвою, вслепую стал рубить.

Однако лучше нам о прошлом позабыть.

Я рад, что слушали меня вы равнодушно:

Коль излияниям моим внимать вам скучно,

То, значит, нет на мне такой большой вины.

Ах, вашей я не знал души до глубины!

Не понимал того, что, каясь в преступленье,

Я тем смертельное нанес вам оскорбленье:

Неверным может ли быть тот, кто не любим?

Я возомнил, что я для вас незаменим,

А что лишь долг велит вам стать моей супругой,

Что обернется вдруг предательство услугой,

Я не подозревал... Но ведь и впрямь никто

Не мог вам приказать любить меня...

Гермиона

Как! Что?

Я не любила? Я? Ты смеешь молвить это?

К тебе я приплыла с другого края света,

Где не один герой искал моей руки,

И все еще я здесь, рассудку вопреки!

Меня уехать прочь упрашивает свита,

Я ж остаюсь, прося, чтоб ими было скрыто

То унижение, что я давно терплю,

Надеясь вновь привлечь того, кого люблю.

Я изнывала здесь и плакала подолгу,

Ждала, что к своему ты возвратишься долгу.

Тебя любила я, хоть ты мне изменил,

Но если б ты меня лишь пальцем поманил,

Я б отдала тебе все сердце без остатка.

Ведь даже и сейчас, когда так низко, гадко

Ты поступил со мной, я — та же, что была:

В моей душе любовь, увы, не умерла!

Что ж, государь, когда так небесам угодно,

Женитесь на другой, но будьте благородны

Хотя б в одном: меня избавьте от стыда

Самой присутствовать при свадьбе; вам вреда

Не может принести отсрочка небольшая.

Я буду далеко, вам больше не мешая,

Уж завтра, может быть... Согласны? Да иль нет?

Ну что ж молчите вы? Ни слова мне в ответ?

Предатель! Ты своей троянкою лишь бредишь,

С ней сердцем говоришь и все минуты метишь,

Что попусту идут на разговор со мной.

Иди! Я не держу. Беги принесть другой

Те клятвы, что ты мне здесь расточал когда-то.

Но, святотатец, знай, что ждет тебя расплата!

Тобою оскорблен благих богов синклит;

Он ложных клятв тебе, изменник, не простит.

Спеши же к алтарю. Отпали все препоны.

Но бойся там узреть лик гневной Гермионы!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Пирр, Феникс.

Феникс

Тем, что вы слышали, пренебрегать нельзя.

У Гермионы есть союзники, друзья;

На гнев отвергнутой нельзя смотреть без страха.

Орест в нее влюблен...

Пирр

Меня ждет Андромаха.

Феникс

Но, государь, у вас здесь сильные враги!

Пирр

Ступай и бдительно ребенка стереги.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Гермиона.

Гермиона

Где я? Что делаю? Что совершить должна я?

Взметнула бурю чувств во мне обида злая!

Брожу я по дворцу в отчаянье немом.

Любовь иль ненависть мне душу жжет огнем?

Как он жесток! Он был исполнен безразличья.

Не дал себе труда хоть соблюсти приличья:

Изобразить печаль, хоть раз вздохнуть с тоской.

Нет, безмятежен был души его покой!

Его не тронуло ничуть мое несчастье;

Он и к слезам моим не выказал участья.

И в довершение страданья моего

Я, малодушная, тревожусь за него?

Страшусь грозящего изменнику удара?

Прощаю, хоть еще не совершилась кара?

Нет, нет! Мой приговор не будет отменен!

Я не нужна ему — так пусть погибнет он!

Над яростью моей он попросту смеется,

Считает, что гроза слезами изольется,

Что, вознамерясь мстить, я в страхе задрожу,

И коли замахнусь, то руку удержу.

Он, помня о моем к нему расположенье,

Имеет обо мне превратнейшее мненье.

А впрочем, у него иное в голове:

Все мысли об одном — о новом торжестве;

А жизни, смерти ли ему желают где-то

Что до того ему, презрителю обета?

Меня бросает он, как бесполезный груз?

Ну нет! Рази, Орест, рази, коль ты не трус!

Он знал, в конце концов, что он меня принудит..

Меня? Так смерть его моим деяньем будет?

Моя любовь к нему убить его должна,

Хотя ему была я столько лет верна,

Хоть суженым своим его в душе назвала

До обручения задолго... Я не знала,

Что в путь к нему пущусь за тридевять земель,

Лишь чтоб убить его и с тем отплыть отсель.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Гермиона, Клеона.

Гермиона

Ах, что я сделала, Клеона! Что за вести

Ты принесла? Где Пирр?

Клеона

Он при своей невесте.

Собой безмерно горд, и счастлив, и влюблен,

Теперь он всем, чего он жаждал, наделен.

Ко храму вел сейчас с особым торжеством он

Ту, чей строптивый дух им наконец-то сломан;

В его глазах сверкал нетерпеливый пыл;

Привыкший побеждать, он снова победил,

Но, верно, заждался желанного исхода.

Она ж, потупя взор, шла с ним среди народа,

Который чествовал ее, рукоплеща,

Шла безучастная, однако — не ропща.

Гермиона

И эту низость он свершит без колебанья?

В нем не заметно ли душевного метанья?

Всмотреться удалось тебе в его черты?

Не разглядела ль в них хоть беспокойства ты?

Он в сторону дворца не обращал ли взора?

Не покраснел ли хоть от гневного укора,

Который мог послать твой взор ему в толпе?

Иль твердо он идет по гибельной тропе?

Клеона

Он глянул на меня, как мог взглянуть незрячий;

Забыв о вас, забыл о прочих он тем паче.

От века не в ладу со здравым смыслом страсть:

С его беспечностью легко в беду попасть!

Кто верноподданный, кто враг — ему нет дела.

Он стражу отослал, чтобы она радела

О сыне Гектора, как будто вражий меч

Великого царя не может подстеречь!

Сам Феникс перед ним за мальчика в ответе.

Гермиона

О, вероломный Пирр, не жить тебе на свете!

Но что сказал Орест?

Клеона

С людьми своими в храм

Вошел он.

Гермиона

Что же он намерен делать там?

Он отомстит?

Клеона

Как знать...

Гермиона

О, нет скончанья бедам!

И он меня предаст?

Клеона

Вас? Что вы! Он вам предан!

Но добродетель в нем ведет с любовью спор.

Ему не усмирить в душе своей раздор,

И он колеблется, сомненьем тяжким мучим:

Пирр, всеми признанный воителем могучим,

Герой, Ахиллов сын, великий государь,

Почтение ему внушает, как и встарь.

Страшится Греции Орест, душой смятенный,

Страшится ярости и гнева всей вселенной,

А более всего страшится сам себя.

Он голову царя на острие копья

Принес бы, но претит ему убийцы имя.

Вошел он все же в храм сейчас с людьми своими,

Но обнажит ли меч иль нет — не знает сам.

Гермиона

Он трус! Он зрителем — и только — будет там.

Почтение к царю, Эллады гнев — пустое!

Лишь смерть его страшит — смерть, и ничто иное.

Все греки десять лет дрались за мать мою,

И многие цари жизнь отдали в бою,

Хотя Елена их дотоле не видала.

А я прошу его, и нужно мне так мало:

Клятвопреступного злодея умертвить,

Такой ценою он меня бы мог добыть.

Награда — я сама, а отомстить — бессильна?

Нет! Нынче все-таки польется кровь обильно.

Я собственной рукой изменнику воздам.

От воплей ужаса пусть содрогнется храм!

Убийство завершит их бракосочетанье.

Потом пусть узрят все мое самозакланье.

Мне даже все равно — умрет Орест иль Пирр,

Но кто-нибудь со мной сойдет в загробный мир!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Орест, Гермиона, Клеона.

Орест

Сударыня, я к вам с известием счастливым:

Настал конец его деяньям нечестивым.

Гермиона

Он мертв?

Орест

Кончается сейчас у алтаря:

Настигла наша месть предателя-царя.

Хоть я бы предпочел открытый бой на равных,

Во мне и в эллинах вы слуг нашли исправных.

Я устремился в храм. {30} Там греческий отряд,

Покуда жрец свершал венчания обряд,

Прокрался к алтарю и грозно встал с ним рядом.

Но Пирр, окинув всех высокомерным взглядом,

Остался и тогда, как был, невозмутим,

Как будто греческий посол и те, кто с ним,

Возвысить призваны торжественность обряда,

Тем более, что им оскорблена Эллада.

Невесте на чело корону возложив,

Ее царицею при сем провозгласив,

Пирр молвил: "Надо мной и над страной моею

Теперь вы — госпожа. Клянусь вам, что сумею

Я сыну вашему достойным быть отцом,

И, с матерью его соединен венцом,

Я признаю, что он наследует по праву

Приамов трон, а с ним — и прежней Трои славу".

Тут весь собравшийся народ возликовал,

Но греческий отряд, хоть был он очень мал,

С отвагой яростной накинулся на Пирра:

Самонадеянный враг эллинского мира

Был сжат кольцом людей, спешащих отомстить,

И меч свой некуда мне было опустить,

Как я отчаянно к царю ни прорывался.

Он, окровавленный, упорно отбивался,

Но, ранами покрыт, на плиты храма пал.

Я вздоха ждать его последнего не стал

И бросился сюда, дабы немедля с вами

К ахейским берегам уйти под парусами.

Нам в гавань путь лежит, а там нагонят нас

Те, кем был выполнен суровый ваш приказ.

Гермиона

Что сделали они!

Орест

Горячность им простите;

Конечно, не моей вооруженной свите,

А мне пристало бы с эпирцем счеты свесть,

И должен был он знать, что это ваша месть,

Но пусть вам радости не омрачит досада:

Ведь я душою был отважного отряда;

Я в храм послал его. Гордиться вы должны:

Теперь вы наконец сполна отомщены.

Не кто иной, как вы...

Гермиона

Довольно слов, предатель!

Виновен ты один, коварный зложелатель!

Пусть греков радует поступок низкий твой;

Убийца гнусен мне. Сокройся с глаз долой!

Я видеть не могу того, кем так жестоко

Прекраснейшая жизнь оборвана до срока.

Как ты дерзнул, злодей, вершить его судьбой?

Кто право дал тебе на мерзостный разбой?

Как ты осмелился, как мог без отвращенья

Убийство подлое свершить под видом мщенья?

Кто приказал тебе?

Орест

О небо, горе мне!

Ужели ваш приказ услышан мной во сне?

Гермиона

Поверил ты словам, что женщине влюбленной

Подсказывал ее рассудок помраченный?

Не должен ли ты был в душе ее прочесть,

Что, мучась от любви, она твердит про честь,

Что сердце и уста между собой в разладе?

Твой долг повелевал, меня самой же ради,

От злого умысла, чуть только он возник,

Отговорить меня с укором в тот же миг,

Дать мне одуматься, помедлить с подлым мщеньем,

А не идти сюда за новым подтвержденьем.

Твоя любовь ко мне дала достойный плод.

Несчастье от тебя, как тень, не отстает;

Ты появился здесь, и всем принес несчастье.

Могла еще вернуть себе над Пирром власть я,

И стал бы он моим, — любя иль не любя.

Он в брак с соперницей вступил из-за тебя!

Прощай, живи один в своем ахейском мире.

Мне там постыло все. Я остаюсь в Эпире.

Страна, способная чудовищ порождать

Таких, как ты, злодей, — мне более не мать!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Орест.

Орест

То Гермиона ли была передо мною?

Кровопролития, выходит, я виною?

Предатель гнусный я, убийца и злодей?

Да впрямь Орестом ли зовусь я средь людей?

Как! Подавляю я все доводы рассудка

И совершаю то, о чем помыслить жутко:

Напав исподтишка, я расправляюсь с ним,

С царем, который был мной по заслугам чтим;

Все попираю я своим насильем грубым,

Чтоб святотатцем стать, убийцей, душегубом.

А для кого? Для той, чей нрав изменчив, крут,

Для той, что, навязав мне недостойный труд,

Неблагодарностью сейчас мне отплатила?

Да ведь она сама мне строго воспретила

Показываться ей, пока он будет жив!

Теперь она ушла, за все вознаградив

Меня презрением и гневною хулою...

Ну, что ж, усердный раб, я большего не стою!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Пилад, Орест.

Пилад

Скорей отсюда прочь! Нам всем грозит беда.

И мы должны бежать. Сейчас иль никогда!

Нас мало для войны с толпою разъяренной,

И не сдержать ее упорной обороной.

Лишь Андромаха здесь имеет нынче власть,

Эпирцы за нее готовы жизни класть,

Уничтожая нас, ее врагов исконных.

Она же, хоть вчера ей был противен трон их,

За мужа нового их побуждает мстить,

Да и за прежнего попутно, может быть.

Бежим, пока нам путь последний не отрезан,

Чтоб не пришлось его прокладывать железом;

Теснится все еще вкруг Гермионы люд,

Но чуть промедлим мы — вкруг нас кольцо замкнут.

Орест

Нет, нет, мне долг велит быть подле Гермионы:

Не в состоянье жить я, ею не прощенный.

Я должен Пирра кровь своею искупить.

Пилад

О Гермионе вам, Орест, пора забыть.

Вы, ярости ее и жертва и орудье,

Себе и мертвую ее берете в судьи?

В угоду ей должны вы умереть? За что?

Орест

Что? Так она мертва?

Пилад

Вам не сказал никто

О том, что в этот час, столь горестный, случилось?

Когда мы шли сюда, царевна появилась

Простоволосая, с безумием в глазах,

И к храму ринулась, откуда скорбный прах

Всесильного царя наружу выносили.

И, словно некоей слепой подвластна силе,

Свой извлекла кинжал, не разжимая губ,

Пронзила грудь себе и рухнула на труп.

Орест

Примерно наказать меня решили боги.

Хвала бессмертным вам за то, что вы столь строги,

Столь непреклонны к тем, кто возбудил ваш гнев!

Вы, в замысле своем жестоком преуспев,

Добились длительным и неотступным мщеньем

Того, что стал я сам несчастья воплощеньем,

Для этой цели я и был на свет рожден,

И цель достигнута. Я удовлетворен.

Теперь, чтоб до конца исполнились все судьбы,

В их и в своей крови мне надо утонуть бы,

И смерть желанная положит пусть конец

Непримиримому раздору трех сердец.

Пилад

Орест, мой друг!

Орест

Как! Пирр, тебя я снова вижу,

Мой враг, которого так страстно ненавижу?

Ведь мною ты убит. Кто ж мог тебя спасти?

Еще один удар я должен нанести?

Но что это? Его целует Гермиона,

Смотря на милого умильно и влюбленно

И гневно — на меня. Бессилен я пред ней...

А что там позади? Я вижу клубы змей... {31}

Там злые демоны! О, преисподней дщери!

Пришли меня терзать вы, как добычу — звери?

Те змеи, что шипят на ваших головах,

И те бичи, что вы сжимаете в руках,

Не для меня ль они? Что ж, мучьте и влеките

Меня во мрак... Но нет! Ей право уступите

Замучить до смерти того, кто изнемог.

Она хищнее вас. Вот лакомый кусок:

Я сердце ей свое бросаю на съеденье!

Пилад

Смотрите, он без чувств! Утихло исступленье.

Нам мешкать — смерть. Скорей страдальца унесем,

Покуда ярость вновь не пробудилась в нем.

ПРИМЕЧАНИЯ

При подготовке настоящей книги было использовано наиболее авторитетное в текстологическом и научном отношении издание сочинений Расина: Oeuvres de Jean Racine. Ed. par P. Mesnard. Paris, 1865-1873. (Les grands ecrivains de la France).

Редакционные переводы иностранных слов и выражений даются в тексте под строкой с указанием в скобках языка, с которого производился перевод. Остальные подстрочные примечания принадлежат Расину.

АНДРОМАХА

Трагедия была впервые представлена труппой Бургундского отеля в покоях королевы 17 ноября 1667 г. Первое издание вышло в начале 1668 г. Огромный успех "Андромахи", ставшей наряду с "Федрой" одной из самых репертуарных пьес Расина, современники и позднейшая критика не без основания сравнивали с успехом "Сида" Корнеля, признавая тем самым эпохальное значение "Андромахи" в истории французского театра.

В России "Андромаха" была поставлена на петербургской сцене в русском переводе Д. И. Хвостова (по-видимому, отчасти переработанном Н. И. Гнедичем) {См.: Медведева И. Н. Екатерина Семенова. М., 1964, с. 122.} 16 сентября 1810 г. с Екатериной Семеновой в роли Гермионы.

Одновременно в Петербурге "Андромаху" играла французская труппа; роль Гермионы исполняла знаменитая актриса мадемуазель Жорж. Мало удачный перевод Хвостова и несколько более поздний перевод третьего акта, выполненный П. А. Катениным, вызвал эпиграмму А. Е. Измайлова "Несчастья Андромахи":

О, как несчастна Андромаха!

Пирр бедную вдову в отчаянье привел;

Парнасский же козел,

Рифмач, палач Хвостов-неряха

Расинов снял с нее наряд

Да в сарафан одел китайчатый — и рад.

Катенин, наконец, с ней поступил тирански:

Заставил говорить без смысла по-славянски.

21 января 1825 г. {*}

{* См.: Русская эпиграмма второй половины XVII-начала XX в. Л., 1975, с. 238-239.}

Непосредственными источниками пьесы послужили трагедия римского философа и трагика Сенеки (I в. н. э.) "Троянки" и рассказ Энея из III кн. "Энеиды" Вергилия (см. Второе предисловие). Однако в тексте встречается также ряд реминисценций из трагедий Еврипида "Андромаха", "Троянки", "Финикиянки", "Гекуба", "Орест", "Ифигения Таврическая". Главнейшие из них помечены в примечаниях.

Настоящий перевод впервые опубликован в кн.: Театр французского классицизма. Пьер Корнель. Жан Расин. М., 1970. Печатается с небольшими редакционными изменениями.

Посвящение содержалось в отдельных изданиях трагедии 1668 и 1073 гг. В прижизненных собраниях пьес Расина отсутствует.

1 Герцогиня Орлеанская — Генриетта-Анна Английская (1644-1670), дочь Карла I Стюарта и Марии Французской, В 1661 г. вышла замуж за брата Людовика XIV Филиппа Орлеанского. Была известна в придворных кругах своим литературным и художественным вкусом. Мольер посвятил ей комедию "Урок женам".

2 [Первое предисловие]. — В издании 1668 г. оно начиналось с цитаты из Вергилия, перенесенной затем во Второе предисловие. Как и другие предисловия Расина, носит явно полемический характер и ставит своей целью отвести упреки критики.

3 И все же нашлись люди... — Имеется в виду принц Конде (1621-1686), знаменитый полководец. Однако весь этот отрывок характерен для полемических приемов Расина, которыми он будет пользоваться и в дальнейшем. На самом деле критики ставили ему в вину чрезвычайное смягчение образа Пирра в духе галантных романов XVII в. Расин пытается парировать этот упрек ссылкой на прямо противоположное обвинение, с которым для виду спорит.

4 Селадон — герой пасторального романа Оноре д'Юрфе "Астрея" (1610-1619), образец идеального влюбленного, бескорыстного и смиренного.

5 Гораций советует изображать Ахилла свирепым... — В "Науке поэзии", ст. 120-121.

6 Аристотель... не были вполне добрыми или вполне злыми. — Это положение Аристотеля ("Поэтика", гл. XIII) вполне соответствует этической и эстетической концепции Расина.

7 [Второе предисловие]. — Впервые появилось в издании 1676 г.

8 Ронсар сделал... "Франсиады"... — Пьер Ронсар (1524-1585) крупнейший французский лирик эпохи Возрождения. В своей поэме "Франсиада", представляющей неудачную попытку создания национально-героической эпопеи в духе "Энеиды", он делает Астианакса, сына Гектора, легендарным родоначальником французских королей.

9 ...согласно нашим старинным хроникам... — Имеется в виду "Французская хроника, или Хроники Сен-Дени от троянцев до смерти Карла VI" (1476).

10 ...прочесть у Геродота. — Геродот — греческий историк (V в. до н. э.). Упоминаемое место содержится в его "Истории", кн. II, гл. CXIII, CXIV, CXV.

11 ... у Гомера рана наносится ему в плечо... — Ср. "Илиада", кн. XXI, ст. 166.

12 Иокаста умирает... — В трагедии "Эдип-царь", ст. 1224 и сл.

13 ...Еврипид продлевает ей жизнь... — В трагедии "Финикиянки", ст. 1456-1460.

14 ...один старинный комментатор... — По-видимому, немецкий филолог XVI в. Иоахим Камерариус. Его комментарий был воспроизведен во французском издании Софокла 1603 г. Сохранился экземпляр этой книги с пометками Расина.

15 Эпир — область на северо-западе Греции.

16 ...что Пирру дочь суровым Менелаем... — Ср. Еврипид. "Андромаха", ст. 948-968.

17 У ног лаконянки... — Лаконянка — жительница Лакедемона (Спарты), т. е. Гермиона.

18 Как Гектор некогда, жечь наши корабли? — Ср. "Илиада", кн. XV.

19 ...отпрыска великого Атрида... — Отец Ореста Агамемнон был сыном Атрея.

20 Кассандру в Аргос взял... — Дочь троянского царя Приама пророчица Кассандра стала после падения Трои добычей Агамемнона, ее мать Гекуба досталась Одиссею — ср. Еврипид. "Троянки", ст. 239 и сл.

21 Ей удалось, введя подменой нас в обман... — Традиционный сюжетный мотив спасения царского сына путем подмены детей заимствован Расином из "Энеиды" кн. III, ст. 489.

22 ...Греция... неблагодарностью не раз ему платила... — Агамемнон отказался отдать Ахиллу доставшуюся ему троянскую пленницу Брисеиду. Их ссора из-за нее служит отправным сюжетным моментом "Илиады".

23 Я знаю, вы в родстве. — Орест и Гермиона — дети родных братьев, Агамемнона и Менелая.

24 За ней отправился я к скифским племенам... — Согласно мифу, Орест, преследуемый Эриниями после убийства своей матери Клитемнестры, повинуясь велению оракула, отправился в Тавриду, чтобы увезти из скифского храма и доставить в Дельфы статую Артемиды и

тем умилостивить богов. Этот сюжет лег в основу "Ифигении Таврической" Еврипида и был впоследствии обработан Гете в его драме "Ифигения в Тавриде", У Расина скитания Ореста истолкованы как следствие его безнадежной страсти к Гермионе.

25 Спасался от врагов в горящих кораблях... — Ср. "Илиада", кн. XV.

26 ... и Гектор жизнь ей спас. — Ср. "Илиада", кн. XXIV, ст. 768-772.

27 О, как печально он прощался с сыном милым! — Ср. "Илиада", кн. VI, ст. 466-481. Прощание Гектора с Андромахой было излюбленным сюжетом живописцев и поэтов XVII и XVIII вв.

28 Явление третье. — Уже Вольтер обратил внимание на сходство сюжета "Андромахи", и в особенности этой сцены, с сюжетом трагедии Корнеля "Пертарит" (1652).

29 А Поликсену кто... постыдно удушил? — Троянская царевна Поликсена, дочь Приама и Гекубы, была принесена Пирром в жертву над прахом Ахилла. Ср. Еврипид. "Гекуба", ст. 517 и сл.

30 Я устремился в храм. — Рассказ Ореста о гибели Пирра близок к аналогичному эпизоду в "Андромахе" Еврипида.

31 Я вижу клубы змей... — Головы Эриний, преследовавших Ореста, были увиты змеями.

В. А. Жирмунская